

КОММУНИКАТИВНЫЕ СМЫСЛЫ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ

Стратегия культурной адаптации в «Западной песне» Маттео Риччи: проблема ресемантизации китайских философских концептов в процессе передачи христианских идей

The Strategy of Cultural Adaptation in Matteo Ricci's "Western Song": Resemanticizing Chinese Philosophical Concepts for Conveying Christian Ideas

DOI: 10.12737/2587-9103-2026-15-1-60-67

Получено: 28 октября 2025 г. / Одобрено: 25 ноября 2025 г. / Опубликовано: 26 февраля 2026 г.

Л.А. Казымова

Аспирант кафедры философии им. А.Ф. Шишкина
МГИМО МИД России,
Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76,
e-mail: leilakazym@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8395-2075>

L.A. Kazymova

Ph.D. Student, Department of Philosophy named after
A.F. Shishkin, MGIMO University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia,
e-mail: leilakazym@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8395-2075>

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторических практик межкультурной коммуникации в контексте современных вызовов глобализации. Миссия Маттео Риччи в Китае (XVI–XVII вв.) представляет собой классический пример попытки преодоления цивилизационного барьера через культурный диалог. Однако стратегия концептуальной адаптации, примененная Риччи, до сих пор не получила комплексного лингвофилософского анализа.

Цель. Провести системный анализ стратегии ресемантизации ключевых китайских философских концептов в «Западной песне» Маттео Риччи и оценить ее эффективность как метода передачи христианских идей.

Методология, методы и методики. Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем методы концептуального анализа, историко-философской реконструкции, герменевтики и лингвокультурологии. Анализ проводился на материале китайских философских канонов («Лунь Юй», «Хань Фэй-цзы», «Мо-цзы» и др.), канонических текстов Ветхого и Нового Заветов и текста первой из «Восьми песен для западного струнного инструмента/циня» Маттео Риччи.

Результаты. Выявлены системные семантические сдвиги в интерпретации пяти ключевых концептов («Небесный мандат», «Небо», «Шанди», «благородный муж», «беспристрастность»). Установлено, что стратегия Риччи представляла собой целенаправленную трансформацию имманентной, космоцентричной парадигмы китайской мысли в направлении теоцентричной и трансцендентной христианской модели. Определены герменевтические пределы данной адаптации, обусловленные фундаментальными онтологическими различиями.

Научная новизна. Впервые осуществлен комплексный лингвофилософский анализ стратегии Риччи на материале «Западной песни» через призму пяти взаимосвязанных концептов.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в работах по сравнительной философии, истории межкультурной коммуникации, переводоведению, а также в практике современных диалогов между цивилизациями.

Ключевые слова: Маттео Риччи, иезуитская миссия в Китае, культурная адаптация, ресемантизация, китайская философия.

Введение. В современном поликультурном мире вопрос о межкультурном взаимодействии, в том числе в рамках межконфессиональной коммуникации, стоит достаточно остро. В данной связи уместно обращение к одному из первых опытов такого взаимодействия эпохи Великий географических открытий — миссионерской деятельности иезуита

Abstract

Introduction. The relevance of the study is driven by the need to comprehend historical practices of intercultural communication within the context of modern globalization challenges. The mission of Matteo Ricci in China (16th-17th centuries) serves as a classic example of an attempt to overcome civilizational barriers through dialogue rather than confrontation. However, the strategy of conceptual adaptation employed by Ricci has yet to receive a comprehensive linguo-philosophical analysis.

Aim. To conduct a systematic analysis of the strategy of resemanticization of key Chinese philosophical concepts in Matteo Ricci's «Western Song» and to evaluate its effectiveness as a method for conveying Christian ideas.

Methodology and research methods. The research is based on an interdisciplinary approach combining methods of conceptual analysis, historical-philosophical reconstruction, hermeneutics, and linguoculturology. The analysis was conducted on the material of Chinese philosophical canons («Analects», «Han Feizi», «Mozi», etc.), canonical texts of the Old and New Testaments, and the text of the first of the «Eight Songs for a Western Stringed Instrument/Qin» by Matteo Ricci.

Results. Systematic semantic shifts in the interpretation of five key concepts («Mandate of Heaven», «Heaven», «Shang-di», «Noble man», «Impartiality») were identified. It was established that Ricci's strategy constituted a purposeful transformation of the immanent, cosmocentric paradigm of Chinese thought towards a theocentric and transcendent Christian model. The hermeneutical limits of this adaptation, determined by fundamental ontological differences, were defined.

Scientific novelty. For the first time, a comprehensive linguo-philosophical analysis of Ricci's strategy in the «Western Song» through the prism of five interconnected concepts has been carried out.

Practical significance. The results of the research can be used in works on comparative philosophy, the history of intercultural communication, translation studies, as well as in the practice of modern dialogues between civilizations.

Keywords: Matteo Ricci, jesuit mission in China, cultural adaptation, resemanticization, chinese philosophy.

Маттео Риччи (*Matteo Ricci, Matthaеus Riccius*, Ли Мад/тоу (利玛竇), 1552–1610), проповедавшего католичество в Китае династии Мин (Великой Минской империи, 大明朝, 1368–1644). Миссия Риччи не только способствовала привнесению в Китай элементов христианской традиции. В наши дни рефлексия этого опыта позволяет поставить вопрос о специфике

формирования и преодоления барьеров межкультурного диалога, а также о путях их профилактики на уровне выявления базовых смыслов каждой из культур, вступающих в диалог. Таким образом, миссионерская стратегия Риччи может быть переосмыслена в парадигме «культурного трансфера», позволяя провести анализ ранних контактов Европы и Китая вне упрощенной дихотомии «колонизатор — колонизируемый». Данные аспекты определяют **актуальность** настоящего исследования.

Целью работы является комплексный лингвофилософский анализ стратегии ресемантизации (переосмысления) ключевых китайских концептов в тексте первой из «Восьми песен для западного струнного инструмента/циня» Маттео Риччи и оценка эффективности этой стратегии как метода передачи христианских идей. Возникает вопрос: насколько реинтерпретация Маттео Риччи сохраняла существенное содержание исходных китайских концептов, а насколько — *искусственно* наполняла их принципиально чуждым смыслом, создавая лишь иллюзию понимания для китайской аудитории?

Степень разработанности проблемы. Проблематика, связанная с результатами миссии Маттео Риччи и межкультурным диалогом Китая и Запада [7], получила широкое освещение в отечественной и зарубежной науке, однако разработана неравномерно.

Отечественная историография представлена фундаментальными трудами по истории китайской философии и религии. Работа Л.С. Васильева [3] представляет собой систематический обзор китайских религиозных традиций, предлагая важный контекст для понимания семантических особенностей концептов. Коллективный перевод «Четверокнижия» [11] заложил основу для академического изучения конфуцианской терминологии в России. Энциклопедия «Духовная культура Китая» [9] служит незаменимым источником для реконструкции смыслов используемых в статье ключевых понятий. Труд Фэн Ю-лани [13] представляет насыщенный обзор и описание перспектив, связанных с историческим развитием философских идей в китайской культуре. Вместе с тем, как показывает статья Д.В. Цветкова [15], интерес к рецепции китайской мысли в России существует, однако непосредственно тексты Риччи и его стратегия не стали предметом специализированного лингвофилософского исследования в российской науке.

Западная и китайская историография демонстрирует более пристальное внимание к фигуре Маттео Риччи. Публикация первоисточников, таких как *Fonti Ricciane* [16], стала документальной основой для всех последующих исследований результатов миссии иезуита и его современников. Современная западная

наука, представленная работой R. Pochia Hsia [17], делает акцент на биографическом и историко-культурном контексте, детально воссоздавая обстоятельства миссии. Исследования в области китайской философии, например, труд D. Zhang [18], предлагают глубокий концептуальный анализ терминов, но не специализируются на их реинтерпретации иезуитом. Китайские исследования последних лет, такие как работы Юй Бэймина и Чжан Жуя [19], а также Чан Чуньлани [20], рассматривают взаимодействие христианства и китайской культуры в общем ключе, часто фокусируясь на более поздних периодах или общих вопросах совместимости двух учений.

Таким образом, существует очевидный исследовательский пробел: отсутствие работы, которая бы совместила глубокий концептуальный анализ китайской философской лексики с пристальным вниманием к текстуальному материалу Маттео Риччи, рассматривая его как целостную и системную герменевтическую стратегию. Настоящее исследование призвано заполнить эту лауну.

Эмпирическую базу исследования составляет корпус китайских философских канонов, используемый для реконструкции исходного семантического поля ключевых концептов [8; 10–12; 14], текст первой из «Восьми песен для западного струнного инструмента/циня» Маттео Риччи [4], а также канонические тексты Ветхого и Нового Заветов [1].

Методологическая основа исследования является междисциплинарной и включает следующий комплекс методов: историко-философский, концептуальный, лингвокультурологический, сравнительно-исторический, герменевтический методы, а также кейс-метод, благодаря которому исследование фокусируется на конкретном текстовом корпусе «Песни» Маттео Риччи — как репрезентативном примере более общего феномена.

Научная новизна исследования заключается в результатах целостного лингвофилософского анализа стратегии концептуальной адаптации в «Западной песне» Риччи через призму пяти ключевых концептов («Небесный мандат», «Небо», «Шан-ди», «благородный муж», «беспристрастность») в их системном взаимодействии. В отличие от существующих работ, фокусирующихся либо на историческом контексте миссии, либо на общих принципах адаптации, данное исследование детально прослеживает механизм смыслопередачи на уровне отдельных терминов, выявляя не только зоны семантического пересечения, но и онтологические противоречия, обусловившие пределы данной стратегии.

Основная часть. Процесс адаптации христианских идей в китайском культурном пространстве периода династии Мин (1368–1644) имеет свои отличитель-

ные особенности: христианское богословие после проникновения в Китай «начало процесс непрерывной китаизации» [19, с. 102]. Эта эпоха характеризуется уникальным переплетением государственной доктрины, философских течений и народных верований [3, с. 50], что создавало как возможности, так и вызовы для христианской миссии.

В конце XVI в. конфуцианство в его неоконфуцианской интерпретации (в школе «философа, комментатора, литератора и текстолога Чжу Си» [朱熹, 1130–1200] [11, с. 11]) было официальной государственной идеологией и основой всей административной системы империи: свод «“Четверокнижие” [составленный Чжу Си] с постатейными и пофразовыми [разъяснениями] и собранием комментариев» «был утвержден властями, став официальной интерпретацией раннего конфуцианства» [11, с. 11].

Это была не столько религия в западном понимании, сколько всеобъемлющая этико-политическая доктрина, регламентировавшая все сферы жизни — от семейных отношений до управления государством. Китайские исследователи утверждают, что «конфуцианство не является религией в христианском смысле» [20, с. 100].

Религиозный аспект проявлялся в государственном культе Неба (天) «в качестве основной пружины социальной жизни»: конфуцианцы превратили Небо «в своеобразный символ верховного божественного порядка, в главный регулятор Вселенной, центром которой, естественно, считался Китай» [3, с. 111]. Жертвоприношения Небу являлись исключительной прерогативой императора, «Сына Неба» (天子), так как «он был единственным, кто имел право непосредственно общаться с Небом, совершать обряды и приносить жертвы в его честь» [3, с. 111]. Единственный носитель божественной благодати «на положении полубога», «Сын Неба» выступал верховным жрецом и считался посредником «между миром людей и миром богов и духов» [3, с. 111].

Риччи блестяще владел терминологией конфуцианских классических текстов, над которыми, например, наняв учителя, «усердно работал» в течение 1593 г. для перевода на латынь [17, с. 135]. Миссионер подчеркивал возможность совместимости конфуцианства с христианством, объясняя это тем, что «знание об истинном Боге было вытеснено буддийскими и другими неортодоксальными учениями» [17, с. 219].

В 1601 г. иезуит, к этому времени 19 лет проповедовавший католичество в Китае, прибыл в Пекин. Одним из подарков императору Ваньли (萬曆, 1563–1620) [17, с. 205–206] был клавесин, который «поразил» Сына Неба. Император заявил, что «хотел бы послушать» музыку «из страны» Риччи [4], вследствие чего иезуит представил правителю «несколько песен

с изречениями [псалмами]». Название музыкального сочинения на китайском языке — «西琴曲意, 八章»: «Восемь песен для западного струнного инструмента/циня», на итальянском языке — «*Canzone del manicordio di Europa voltate in lettera cinese*» — «Песня для клавикорда [клавесина] из Европы, переведённая на китайский язык».

Песни написаны на классическом китайском языке (文言文), что соответствует жанру философско-назидательной прозы (или назидательного тона [15, с. 307]). Текст также можно идентифицировать как образец миссионерско-апологетического трактата/проповеди, стилизованного под философские тексты: Маттео Риччи сознательно использует краткие, афористичные конструкции, характерные для конфуцианских канонов (напр., «Лунь Юй» (論語, «Бесед и рассуждений» [13, с. 21] или «Бесед и суждений»)). Такие фразы, как 人也者, 乃反樹耳 («Человек подобен дереву») строятся по модели классических сравнений-метафор, что является стратегией повышения дидактического авторитета текста, поскольку данная форма изложения воспринималась местной «учёной» аудиторией как признак сакрального и философского знания.

Название первой песни: 一章. 吾願在上 — «**Наши желания устремлены ввысь**» [«**Мое наивысшее желание**»].

Перевод текста песни: Кто понимает человеческие эмоции [чувства, желания, взаимоотношения]? Человек подобен дереву [древесному грибу], перевернутому вверх дном. Корни дерева находятся в земле, и оно получает питание из почвы, а его ствол и ветви тянутся к небу и устремляются вверх. Корни человека направлены к **небу**, и он питается небом, а его ствол и ветви направлены вниз. Знания [познание, сознание, рассудок, разум] **благородного мужа** — это знания [познание, сознание, рассудок, разум] (от) **Бога**, а ученость [эрудиция, образованность, учение] **благородного мужа** — это ученость [эрудиция, образованность, учение] (от) **Бога**, поэтому Им выбрано [избрано] учить [поучать, наставлять] всех [народ, мир, общество], кто ниже Его. Сердце [разум] **Бога** полно лишь жалости [милости, сочувствия, сострадания] к народу [живым существам], и он может причинить вред лишь небольшим раскатом грома. Пусть светят солнце и луна, и светят **беспристрастно** [бескорыстно, не зная личных выгод и побуждений]! Пусть всегда [неизменно, постоянно] будет идти дождь и снег, и пусть они выпадают на поля **беспристрастно** [бескорыстно, не зная личных выгод и побуждений]!

Последние два предложения песни («Пусть светят солнце и луна...») предположительно цитируют Евангелие от Матфея (5:45), где указывается: «Да

будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» [1, с. 1016]. Риччи, цитируя Евангелие от Матфея, совершает ключевой перевод: он переходит от описания свойства (Бог поступает беспристрастно) к представлению сущности (Бог есть сам источник и воплощение Закона беспристрастности). Это возводит христианского Бога из положения одного из многих субъектов, проявляющих добродетель, в статус онтологического основания самой этой добродетели, что полностью соответствует китайскому пониманию Неба (天) как источника миропорядка.

Метафора, использованная Маттео Риччи — о солнце, луне, дожде и снеге, нисходящих на всех без разбора, — не была для китайской аудитории аллегорией: она отражала глубоко укорененное представление о том, что Небо беспристрастно в своем отношении к миру. Правитель и благородный муж, следующий беспристрастности, уподобляется космическим силам, а его правление становится отражением естественного порядка вещей.

Здесь ключевым связующим звеном является концепт «**Небесного мандата**». В китайской традиции Небо даровало мандат императору, который правит справедливо и без личных пристрастий — утрата этих принципов вела к потере власти. Фраза «да будете сынами Отца вашего Небесного» указывает на условие обретения этого «сыновства»: через подражание беспристрастной природе Бога. Здесь возникает структурная параллель: в китайской модели — правитель → через воплощение беспристрастности → подтверждает Небесный мандат → и обеспечивает порядок в Поднебесной; в христианской модели, представленной Риччи — верующий → через подражание Божьей беспристрастности (любви к врагам) → становится «сыном Небесного Отца» → и воплощает Царство Божие на земле.

Иезуит предлагает аудитории не новую, чуждую этику, а углубленное и теологически обоснованное понимание их собственного центрального политико-космологического принципа. Миссионер показывает, что христианство предлагает, помимо закрепленного кодекса поведения, путь соучастия в самом источнике «Небесного мандата» — беспристрастной любви Бога.

Концепт 天 (tiān, **Небо**) — краеугольное понятие всей китайской мысли и конфуцианства, в частности. Существуют предположения, что сам иероглиф 天 (небо) произошел от сочетания двух иероглифов (大 + 人 = «большой человек»): 大 («большой») и 人 (rén, «человек»), поэтому «человеческий элемент всегда присутствовал в китайском представлении о небе как о Боге», а «небесные тела традиционно не

рассматривались как объективные ступки материи и энергии» [18, с. 3].

В своем трактате Мо-цзы утверждает, что Небо «любит справедливость и ненавидит несправедливость», «желает, чтобы люди помогали друг другу»: «Если известна воля неба, то нельзя не следовать ей. Следовать воле неба — значит следовать всеобщей любви и взаимной выгоде между людьми. Кто следует воле неба, тот непременно получит вознаграждение» [8, с. 195].

В «Лунь Юй» Конфуций заявляет [12]: «То, что я не одобряю, не одобряют и Небеса! Не одобряют и Небеса!» / «Если у меня есть дурные намерения, Небеса возненавидят меня! Небеса возненавидят меня!» / «Если я сделал плохо — пусть небо отвернется от меня!»

Концепт «небо» включает два аспекта: 1) «объективную бесконечную реальность» (*sky*), 2) Бога или понятие-абсолют, главную и наивысшую идею-концепт, понятие высшего порядка (*supreme concept*) [18, с. 3]. Вследствие чего Конфуций утверждает, что Небо может «уничтожить культуру» [12], «даровать добродетель» [12], а «Следующий Небу — это правитель. Сохраняющее правителя — это предопределение» [11, с. 87].

Небо является происхождением всего сущего — оно доминирует над природой, «безмолвно» и проявляет свою волю через знамения и порядок вещей: «Толкователем воли неба выступал сам сын неба» [8, с. 20]. В контексте текста песни «Небо» семантически сливается с личностным 上帝 [Шан-ди, верховный владыка Неба; Небесный Владыка [2]], что представляет собой радикальную трансформацию конфуцианского понятия под влиянием теизма.

В древнекитайской религиозной традиции Шан-ди (上帝) занимает уникальное положение, представляя собой единственного носителя атрибутов монотеистического божества. Его онтологический статус определяется пограничным положением между двумя мирами: с одной стороны, областью абстрактно-символических одухотворенных идей и природных сил, с другой — миром конкретизированных антропоморфных предков [3, с. 82]. Генезис образа Шан-ди как легендарного тотемного первопредка исключал возможность его редукции к умозрительной «идее». Структура его сакрального образа, особенно с учетом тотемной природы, предполагала восприятие в формах антропотериоморфного синтеза — мифологического гибрида, сочетавшего атрибуты человеческой природы с чертами сакрализованного животного [9, с. 18].

Данная концепция имеет принципиальное значение для понимания стратегии Маттео Риччи в его попытках адаптации христианской доктрины. Опираясь на образ Шан-ди как верховного божества с чертами

личности и трансцендентности, иезуит находил в китайской традиции концептуальную основу для введения понятия единого Бога-Творца. Предположительно, миссионеры, следуя стратегии аккомодации, сознательно избрали 上帝 для передачи латинского понятия *Deus* (Бог), чтобы избежать ассоциаций с буддизмом и даосизмом.

В тексте Шан-ди обладает личностными атрибутами: у Него есть 心 (сердце, разум), Он 憐恤 (милует, сочувствует, сострадает), 擇誨 (выбирает/избирает и поучает/наставляет), что может соответствовать христианскому учению о Боге как о личностном, всемогущем и любящем Творце: «Бог сотворил человека» [1, с. 8]. Упоминание о «небольшом раскате грома» (少許霹靂) отсылает к ветхозаветным представлениям о Боге как Судьи, чей гнев является проявлением Его справедливости, но который милостив к кающимся: «Народ стал роптать вслух Господа; и Господь услышал, и воспламенился гнев Его» [1, с. 139].

Логическим развитием этой стратегии становится апелляция к фундаментальному для конфуцианства постулату: не зная воли неба [не понимая веление судьбы [2]], нельзя стать благородным мужем [12]. Данный тезис служит для Риччи концептуальным стержнем, позволяющим соединить имперсональный закон Неба с личностным моральным выбором. В конфуцианской традиции «Воля Неба» (天命) понималась не как персонифицированное откровение, а как деятельность «верховного регулятора» [3, с. 118].

Риччи, сохраняя внешнюю форму этого положения, наполняет его новым содержанием: познание воли Неба для него тождественно познанию воли личного Бога-Творца, открывающейся в том числе через совесть и естественный моральный закон. Следовательно, происходит семантический сдвиг: имманентный космический закон трансформируется в трансцендентную божественную волю, обращённую к человеку — «благородному мужу».

君子 (*jūnzǐ*, **благородный муж**) — «одна из основополагающих конфуцианских категорий» [11, с. 97], детально описанная и разработанная в «Лунь Юй» — сборнике «Бесед и суждений» Конфуция (孔子, ок. 551 — ок. 479 г. до н.э.), составленным его учениками. Согласно Конфуцию, благородный муж — это «идеал совершенной личности» [11, с. 97], достигшей высот морального совершенства (仁義 — гуманности и справедливости) [12], человек долга [12], соблюдающий ритуал [12]. «Благородный муж должен сосредоточиться на основах» [12], он «не стремится ни к сытости во время еды, ни к комфорту в жизни; сообразителен в работе и осторожен в речах; активно добивается прогресса в стремлении к совершен-

ству, любознателен в учебе» [12], «сначала делает, а потом говорит» [12].

В тексте песни понятие «благородный муж» может использоваться как прототип для христианского катехизатора, а его ученость приобретает конкретный источник и объект — Бога (上帝), благодаря чему конфуцианский этический идеал становится проводником теологической идеи. Однако теологизация концепта, будучи достижением миссионерского подхода, требовала своего логического развития в сфере социальной и политической философии. Если «благородный муж» через обращение к Богу обретает новое онтологическое основание для своей морали, то закономерным образом встает вопрос о том, как должна проявляться эта обновленная добродетель в его отношении к миру и обществу. Именно здесь Маттео Риччи переходит от реинтерпретации антропологического идеала к адаптации центральной социально-политической категории, определяющей нормы справедливого правления и гармоничного общественного устройства.

Этическим императивом, связывающим преобразованную личность «благородного мужа» с социальной сферой его деятельности, выступает принцип 無私 (*wú sī*: **беспристрастность**, бескорыстность, отсутствие личной выгоды, «личных побуждений» [2]) / 公 (*gōng*: бескорыстный, справедливый, общественный, государственный [2]) — одна из фундаментальных категорий китайской философии, в широком смысле относящейся к правильному и достойному правлению императора.

Данный концепт главным образом воплотился в учении школы легистов (法家), сформировавшегося под влиянием идей чиновников и «государственных деятелей», которые заявляли, что закон (法 — закон, право, норма; регламент; образец, правило [2]) является основополагающим принципом верного управления обществом в государстве [13, с. 51].

Один из ведущих идеологов доктрины легизма, главный представитель [13, с. 178] и кульминационная фигура [13, с. 181] легистской школы Хань Фэй (韓非, 280–233 до н.э.) утверждает, что только те, кто способен отказаться от эгоизма [私曲 — своекорыстия, лихоимства [2] (один из антонимов 無私)] и следовать всеобщему закону [公法 — постулату, публичному праву, публичному акту [2]], обеспечивают мир [благополучие, безопасность, стабильность [2]] народу и порядок [совершенное управление] в государстве. Те, кто способен отказаться от эгоизма и следовать закону, укрепляют армию и ослабляют противника [14]. Вследствие того, что основной сферой легизма были «принципы и методы практического управления» [13, с. 238], легисты были «настоящими политиками, а не юристами» [13, с. 106].

В то же время легисты, подобно даосам [5], говорят о принципе недеяния (無為) правителя [13, с. 126], раскрывающегося в его единственном назначении «сохранить в своих руках лишь распоряжение наградами и наказаниями» [13, с. 186]. Недеяние, «единственная великая добродетель» [13, с. 186], которую также называют «учением о невмешательстве» [6, с. 368], становится для легистов обоснованием правильного метода управления народом. Заимствованное легистами понятие «недеяние» у даосов означает «меньшую активность или действие меньшего», «лишенное искусственности и произвольности действие», «непереусердствование» [13, с. 123]. Даосы заявляют [10], что надо отказаться от мудрости [ума, разума] и от знаний и вернуться [отступить, уходить, постоянно приходить] к недеянию, которое приводит не только к гармонии, но и к бескорыстию человека — стремление к простоте и естественности приводит к настоящей добродетели (Дэ) человека.

Правитель, от которого требуют «не талантов, а беспристрастия» [6, с. 314], становится главным «источником всех щедрот» [6, с. 307] в регулировании общественных и личных отношений. В данном случае соблюдение «беспристрастности», не включающей в себя субъективно эмоционального аспекта, побуждает князя не «действовать по велению сердца» [6, с. 307], используя безличностный подход [6, с. 353].

Понятие «беспристрастность», ставшее одним из основных постулатов легизма, также заняло отдельное место в конфуцианском терминологическом ареале. У легистов беспристрастность — это технологически обеспеченная единообразность («против духа импровизации» и «духа рутины» [6, с. 317]), достигаемая через «безличный» закон и систему «наград и наказаний» и направленная на могущество государства, у конфуцианцев — это морально обоснованная справедливость, достигаемая через личное совершенство и ритуал, направленная на гармоничную иерархию в обществе. Некоторые исследователи, издавая переводы «Лунь Юй» («Бесед и суждений»), заменяют понятие «справедливость» «беспристрастностью»: «беспристрастность радуется народ» [11, с. 235]. В оригинале утверждается, что справедливость (公正) [беспристрастность, точность, правильность [2]] способна сделать народ счастливым [благополучным] [12].

В стратегии Риччи данный концепт из социальной и имперсональной добродетели трансформируется в свидетельство о божественном характере справедливости, тем самым завершая построение целостной системы христианизированной конфуцианской этики. В христианском богословии принцип беспристрастности (лат. *Impartialitas*) является не производ-

ной этической нормой, а фундаментальным атрибутом самой природы Бога.

В христианстве Бог справедлив и объективен: Он — судья, для которого не существует внешних, земных статусов: «Господь есть судия, и нет у Него лицеприятия» [1, с. 668]. Кроме того, беспристрастность Бога проявляется в том, что жертва Христа предлагается всем без исключения: эта любовь — не эмоция и не следствие личной симпатии, а сознательный, волевой акт благоволения, направленный даже на врагов: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящих вас» [1, с. 1091].

Результаты. В ходе исследования была выявлена стратегия ресемантизации, примененная Маттео Риччи к пяти ключевым китайским концептам. Проведенный анализ позволяет утверждать, что его стратегия не была хаотичной. Она представляла собой системную операцию по «перекодировке» всей этико-космологической модели традиционной китайской культуры. Все выявленные семантические сдвиги имеют общий вектор: от имманентной, космоцентричной и социо-этической парадигмы к парадигме трансцендентной, теоцентричной и сотериологической.

Заключение. Проведенное исследование стратегии концептуальной адаптации, разработанной и реализованной Маттео Риччи в первой «Западной песне», позволяет рассматривать его деятельность как масштабный герменевтический эксперимент, выходящий далеко за рамки сугубо миссионерской задачи. Он был направлен на создание семиотического моста между двумя цивилизационными парадигмами, которые до этого развивались в значительной степени изолированно.

1. Метод Риччи представлял собой не пассивное использование китайской лексики, а активную и системную стратегию ресемантизации. Ключевые конфуцианские, даосские и моистские концепты были целенаправленно изъятые из исходного контекста и помещены в новую концептуальную парадигму, детерминированную христианским богословием.
2. Концепт «Небесный мандат», в конфуцианстве обусловленный моральными качествами правителя, был интерпретирован Риччи через призму идеи абсолютного божественного суверенитета и провидения. Это создавало потенциал для введения представлений о предопределении, чуждых прагматичной этике конфуцианства.
3. Этический идеал «благородного мужа», в конфуцианстве достигаемый через самовоспитание и изучение ритуала, был подвергнут теологической переориентации. Его знание и ученость были направлены не на овладение культурным насле-

дием (文), а на познание Бога, что радикально меняло источник и конечную цель нравственного совершенствования.

4. Концепт «беспристрастность», изначально обозначающий социальную добродетель справедливого правителя, был перенесен Риччи в натурально-богословский план. Беспристрастность солнца, луны, дождя и снега стала для него доказательством не безличного космического порядка, а милости и справедливости личностного Бога.
5. Отождествление имманентного принципа «Неба» и архаического божества «Шан-ди» с личностным Богом-Творцом христианства являлось герменевтическим ядром всей стратегии. Эта «операция» позволила Риччи заявить о наличии в китайской традиции префигурации монотеизма, но одновременно привела к игнорированию фундамен-

тального для китайской мысли различия между безличностным Небом-порядком и персонализированными предками-божествами.

Таким образом, наследие Маттео Риччи остается живым источником для рефлексии о природе межкультурной коммуникации. Можно сделать вывод, что подлинный диалог требует не только лингвистической компетентности, но и готовности к встрече с радикальным Чужим, которое не всегда может быть редуцировано к известным ранее категориям. В современную эпоху глобализации, когда поиск взаимопонимания между цивилизациями становится вопросом выживания человечества, обращение к этому кейсу позволяет извлечь важные уроки о необходимости баланса между адаптацией и собственной идентичностью, между поиском общих оснований и признанием непреодолимых различий.

Литература

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета [Текст]. — М.: Российское богословское общество, 2014. — 1371 с.
2. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. — URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 28.10.2025).
3. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае [Текст] / Л.С. Васильев. — М.: Восточная литература, 2001. — 488 с.
4. Восемь песен для западного струнного инструмента – 西琴曲意 [Электронный ресурс] // 维基文库 [Викиисточник]. — URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/西琴曲意> (дата обращения: 28.10.2025).
5. Го С. Философские основы научного знания и межкультурной коммуникации: понятие китайской философии 中 (чжун) и синкретизм в общелингвистической теории В.В. Бабайцевой [Текст] / С. Го // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 46–52. — DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-1-46-52
6. Гране М. Китайская мысль от Конфуция и Лаоцзы [Текст] / М. Гране; пер. с фр. В.Б. Иорданского. — М.: Алгоритм, 2008. — 528 с.
7. Диденко В.Д. Проявление ментальных особенностей Китая в межкультурной коммуникации [Текст] / В.Д. Диденко, Д. Нур-Ахмет, Н.Ю. Паудяль, Л.В. Филиндаш // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2020. — Т. 9. — № 3. — С. 23–28. — DOI: 10.12737/2587-9103-2020-23-28
8. Древнекитайская философия. Т. 1 / сост. Ян Хин-Шун. — М.: Мысль, 1972. — 361 с.
9. Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 2: Мифология. Религия [Текст] / ред. М.Л. Титаренко и др. — М.: Восточная литература, 2007. — 869 с.
10. Комментарии Хэ Шан Гуна [Электронный ресурс] // 中國哲學書電子化計劃 [Электронный каталог книг по китайской философии]. — URL: <https://ctext.org/heshanggong/zhs> (дата обращения: 28.10.2025).
11. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») [Текст] / пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова. — М.: Восточная литература, 2004. — 431 с.
12. Лунь Юй [Электронный ресурс] // 中國哲學書電子化計劃 [Электронный каталог книг по китайской философии]. — URL: <https://ctext.org/analects/zh> (дата обращения: 28.10.2025).

13. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии [Текст] / Фэн Ю-лань; под ред. Е.А. Торчинова; пер. с кит. Р.В. Котенко. — СПб.: Евразия, 1998. — 376 с.
14. Хань Фэй-цзы [Электронный ресурс] // 中國哲學書電子化計劃 [Электронный каталог книг по китайской философии]. — URL: <https://ctext.org/hanfeizi/zh> (дата обращения: 28.10.2025).
15. Цветков Д.В. Особенности текста «великое учение» («Да сюэ») в интерпретации Д.И. Фонвизина [Текст] / Д.В. Цветков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2018. — № 10 (3). — С. 305–314. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu.13.2018.302>
16. Fonti Ricciane: Documenti originali concernenti Matteo Ricci e la storia delle prime Relazioni tra l'Europa e la Cina. Vol. 2. / ed. P.M. D'Elia. Rome: La Libreria dello Stato, 1949. 652 p.
17. Hsia R.P. A Jesuit in the Forbidden City: Matteo Ricci, 1552–1610. Oxford: Oxford University Press, 2010. XIV, 359 p.
18. Zhang D. Key Concepts in Chinese Philosophy / transl. and ed. by E. Ryden. New Haven: Yale University Press, 2002. 532 p.
19. 于北冥 [Юй Бэймин], 张瑞 [Чжан Жуй]. 论基督教神学对中华和合文化的认知价值 [О когнитивных ценностях христианской теологии для гармоничной китайской культуры] // 重庆工学院学报 [Журнал Чунцинского технологического института]. — 2006. — Vol. 20, No 10. — 102–104页.
20. 常春兰 [Чан Чуньлань]. 从主观文化类同到文化利用 — 科学之于基督教与科学之于儒学的共同特征 [От субъективной культурной эквивалентности к использованию культуры: наука в христианстве подобна науке в конфуцианстве] // 自然辩证法通讯 [Журнал диалектики природы]. 2012, vol. 34, no. 3. 100–105页.

References

1. Analects [Electronic resource] // 中國哲學書電子化計劃 [Chinese Text Project]. URL: <https://ctext.org/analects/zh> (accessed: 28.10.2025).
2. Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vethogo i Novogo zaveta [The Bible. The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. M.: Russian Theological Society Publ., 2014. 1371 p. (in Russian).
3. Chang Ch. Cong zhuguan wenhua leitong dao wenhua liyong — kexue zhi yu jidujiao yu kexue zhi yu ruxue de gongtong tezhen [From Subjective Culture Equivalence to Culture Utilization: Science to Christianity is Similar to What it is to Confucianism]

- // Ziran bianzhengfa tongxun [Journal of Dialectics of Nature]. 2012, no. 3, pp. 100–105. (in Chinese).
- Commentaries by He Shang Gong [Electronic resource] // 中國哲學書電子化計劃 [Chinese Text Project]. URL: <https://ctext.org/heshangong/zhs> (accessed: 28.10.2025).
 - Comprehensive Chinese-Russian Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://bkr.info/> (accessed: 28.10.2025).
 - D'Elia P.M. (ed.) *Fonti Ricciane: Documenti originali concernenti Matteo Ricci e la storia delle prime Relazioni tra l'Europa e la Cina* [Ricci Sources: Original Documents Concerning Matteo Ricci and the History of Early Relations between Europe and China], vol. 2. Rome: La Libreria dello Stato Publ., 1949. 652 p. (in Italian).
 - Didenko V.D., Nur-Akhmet D., Paudyal N.Yu., Filindash L.V. *Proyavlenie mental'nykh osobennostey Kitaya v mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Manifestation of Mental Features of China in Intercultural Communication] // *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communication studies]. 2020, vol. 9, no. 3, pp. 23–28. DOI: 10.12737/2587-9103-2020-23-28 (in Russian).
 - Eight Songs for Western String Instrument — 西琴曲意 [Electronic resource] // 维基文库 [Wikisource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/西琴曲意> (accessed: 28.10.2025).
 - Feng Y., Torchinov E.A. (ed.) *Kratkaya istoriya kitajskoj filosofii* [A Brief History of Chinese Philosophy]. St. Petersburg: Eurasia Publ., 1998. 376 p. (in Russian).
 - Go S. *Filosofskie osnovy nauchnogo znaniya i mezhkul'turnoy kommunikatsii: ponyatie kitayskoy filosofii 中 (chzhun) i sinkretizm v obshchelingvisticheskoy teorii V.V. Babaytsevov* [Philosophical Foundations of Scientific Knowledge and Intercultural Communication: The Concept of Chinese Philosophy 中 (Zhong) and Syncretism in the General Linguistic Theory of V.V. Babaytseva] // *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*. [Scientific research and development. Modern communication studies]. 2024, vol. 13, no. 1, pp. 46–52. DOI: 10.12737/2587-9103-2024-13-1-46-52 (in Russian).
 - Grane M. *Kitajskaya mysl' ot Konfuciya i Laoczy* [Chinese Thought from Confucius and Lao Tzu]. Moscow: Algoritm Publ., 2008. 528 p. (in Russian)
 - Han Feizi [Electronic resource] // 中國哲學書電子化計劃 [Chinese Text Project]. URL: <https://ctext.org/hanfeizi/zh> (accessed: 28.10.2025).
 - Hsia R.P. *A Jesuit in the Forbidden City: Matteo Ricci, 1552–1610*. Oxford: Oxford University Press, 2010. XIV, 359 p.
 - Kobzev A.I., Luk'yanova A.E., Perelomov L.S., Popov P.S., Majorov V.M. (eds.) *Konfucianskoe «Chetveroknizhie» («Sy shu»)* [The Confucian Four Books (Si Shu)]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2004. 431 p. (in Russian).
 - Titarenko M.L. (ed.) *Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya. T. 2: Mifologiya. Religiya* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia. Vol. 2: Mythology, Religion]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2007. 869 p. (in Russian).
 - Tsvetkov D.V. *Osobennosti teksta “velikoe uchenie” (“Da syue”) v interpretacii D.I. Fonvizina* [“The Great Learning” (“Da Xue”) Text in the Interpretation of Denis Fonvizin] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. [Vestnik of Saint-Petersburg University. Asian and African studies]. 2018, no. 10 (3), pp. 305–314. (in Russian).
 - Vasiliev L.S. *Kul'ty, religii, traditsii v Kitaye* [Cults, religions, traditions in China]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2001. 488 p. (in Russian).
 - Yan H. (ed.) *Drevnekitajskaya filosofiya. T. 1* [Ancient Chinese Philosophy. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 1972. 361 p. (in Russian).
 - Yu B., Zhang R. *Lun jidujiao shenxue dui zhonghua he he wenhua de renzhi jiazhi* [On the Cognitive Values of Christianity Theology for the Chinese Harmonious Culture] // *Chongqing gongxueyuan xuebao*. [Journal of Chongqing Institute of Technology]. 2006, vol. 20, no. 10, pp. 102–104. (in Chinese).
 - Zhang D., Ryden E. (ed.) *Key Concepts in Chinese Philosophy*. New Haven: Yale University Press, 2002. 532 p.